

Имперская идея в державе Александра Македонского

В статье анализируется процесс создания империи Александра Македонского. Автор показывает, что в основе имперской идеи в эпоху эллинизма лежал синтез греческих, македонских и персидских представлений о государственной власти. Система управления в державе Александра Македонского была выстроена таким образом, чтобы обеспечить сочетание этих черт.

Ключевые слова: империя, эллинизм, Александр Македонский, государство Ахеменидов.

Сложно переоценить роль Александра Македонского в процессе формирования имперской идеи. Завоевав державу Ахеменидов и создав собственное государство, объединявшее территории на трех континентах, он сумел соединить традиционные греческие, македонские и восточные модели управления, создав из них относительно работоспособную систему государственного управления. В этом смысле деятельность Александра, как известно, оценивается более чем неоднозначно. Одна группа историков – так называемое «апологетическое направление», представленное в античности и Средневековье «Романом об Александре», а в новое время – И.Г. Дройзеном, Р. Пельманом, Эд. Мейером, Ф. Альтгеймом, А. Шахермейром, П. Жуге, Ж.-Р. Паланком, П. Клоше и другими, – указывает на героическую сторону деятельности македонского царя, идеализирует итоги его походов и результаты реформ, подчеркивает значение субъективного фактора в истории.

Другая группа, восходящая к перипатетикам и представленная в древней истории Цицероном, Титом Ливием, Сенекой, Лукианом

и особенно Юстином (см.: *Iust.*, IX, 8, 11–20), а в новой – Ю. Беллохом и К. Нибуром, обвиняет полководца в непродуманности действий, несамостоятельности, деспотизме и коварстве. Этот спор был бы чисто схоластическим (как любой исторический деятель, Александр не может оцениваться сугубо положительно или сугубо отрицательно), однако позиция, на которую встает исследователь, диктует необходимость решения другого вопроса – о сохранении или изменении македонским царем персидских принципов управления. Если сторонники антиалександровского направления полагают, что Александр полностью сохранил персидскую систему¹, то апологеты считают, что за основу все-таки были взяты греческие принципы (на худой конец, «греческий дух»)².

Действительно, установление единовластия Александра позволяет говорить о том, что персидские традиции оказали на него огромное влияние. Собственно, войну начинает просто Александр. Царский титул он, похоже, впервые использовал только после своих первых побед, в надписях из Приены (Tod., 184–185), а первое бесспорное употребление этого титула относится уже к 329 году (SIG, I, 381, 1)³. В историографии многократно прослеживался процесс роста личной власти Александра, сокращения полномочий его окружения и военачальников. С самого начала азиатского похода мы встречаем следы глухой оппозиции Александру со стороны части его непосредственного окружения, проявляющейся в противодействии военным планам царя, в несогласии с его политическими мероприятиями или недовольстве общим ходом событий. Оппозиция, требующая общественной свободы (у Курция – *publica libertas* (*Curt.*, VIII, 5, 20; X, 2, 6)), чаще всего связывается с именем Пармениона, самого крупного представителя македонской знати, находившегося на службе у Филиппа II, причем очевидно, что эта оппозиция не носила сугубо личного характера, а была продиктована объективным недовольством⁴. Македонцы не могли примириться с установлением неограниченной власти царя по восточному образцу (наиболее значительные проявления недовольства – дело Гарпала (*Diod.*, XVII, 108), недовольство македонян введением в войско персов (*Diod.*, XVIII, 108), мятеж в Описе и замещении Антипатра на посту управителя европейской части монархии Александра Кратером (*Arr.*, VII, 12, 4–5; *Diod.*, XVIII, 4)). Убийство Александром Клита было лишь дальнейшим развитием тех противоречий среди македонской знати, которые возникли в первые годы восточного похода и нашли наиболее яркое выражение в заговоре Димна, в казни Филоты и убийстве Пармениона. Подробное изложение событий, связанных с убийством Клита в Мараканде летом

328 года до н. э., содержится у Арриана (IV, 8), Плутарха (Al., L–LII), Курция (VIII, 1, 29–2, 12) и Юстина (XII, 6). Личная форма этого конфликта не может скрыть его глубокой политической сущности. Случайная смерть Клита явилась свидетельством столкновения двух принципов, двух тенденций, двух социальных сил, одна из которых выступала за монархию, другая – за идеалы традиционного македонского территориального царства. С течением времени происходит отделение царя от народа; если раньше, как мы видели, в документах они выступают вместе, то начиная со времени Александра народное собрание исчезает даже из юридических формул.

Этот процесс виден и на других примерах. Так, традиционные македонские монеты чеканились без обозначения царского титула в легенде (например, монеты «Филиппа»). Александр также сначала чеканит свою монету от имени «Александра», а затем – опять-таки после первых побед – от имени «Царя Александра». Тогда же Александр отдает приказ о начале чеканки монеты в завоеванных городах – Тарсе, Александрии у Исса, Библе, Сидоне, Дамаске, Вавилоне, Лампсаке, Милете, Бактрах и т. д., ликвидировав тем самым монополию на чеканку монеты традиционных македонских монетных дворов Пеллы и Амфиполя, и на этих монетах появляется изображение царя. Дело не в создании дополнительных центров эмиссии (хотя экономических последствий такое решение не иметь не могло), а в том, что Александр чувствует себя вправе распоряжаться не только тем, что осталось в Македонии, но и тем, что добывается для него силой македонского и греческого оружия. Появление его изображения на монетах лишний раз подчеркивает, что новое государство создается не македонским народом, а именно царем. Точно так же Александр берет диктовать свои условия и Греции: издается знаменитый указ о возвращении изгнанников (*Diod.*, XVIII, 8, 4), который и по форме, и по содержанию квалифицируется как превышение власти македонского царя над Коринфским союзом.

В этом же ключе решается вопрос о назначении хилиарха. Этот ахеменидский пост, как известно, воспринимается Александром; на него назначается Гефестион. Вместе с грамматевсом Эвменом и эйсангелевсом Гарпалом он осуществляет реальную власть, но только тогда, когда это необходимо царю. Именно это отличает эллинистического хилиарха от ахеменидского, который постоянно имел всю полноту власти, предоставленную ему царем⁵. Очевидно, институт хилиархии был задуман лишь на время и предполагал сплочение всех верных царю людей в условиях заговоров и мятежных настроений среди полководцев. В этом плане симптоматич-

но, что после смерти Гефестиона новый хилиарх назначен не был. Рассматривать Гефестиона как соправителя царя, как это делает Ф. Шахермейр, нельзя, хотя по случаю его кончины Александр и приказал погасить персидский царский огонь (*Diod.*, XVII, 114, 1 сл.; *Arr.*, VII, 14, 2 сл.); такая должность предполагала реальное разделение властей, что никак не соответствовало концепции единоличной царской власти.

Внутренняя реорганизация системы управления сопровождается внешними изменениями. Проскинеза, царская диадема (*Iust.*, XII, 3, 5–11; 7, 1), роскошный двор и персидские обычаи при нем (*Curt.*, III, 2, 12; 11, 20–23; V, 1, 23; VIII, 5, 3; IX, 10, 30), межэтнические браки – все это подчеркивало восточную форму, принятую царем завоевателей. Вот к этому рядовые македонцы – да и приближенные Александра – оказались не готовы, поскольку такого ни греческая общественная мысль, ни македонская традиция представить себе не могла. Таким образом, превращение «классического» македонского царства в эллинистическое, характеризующееся не только обрядностью, но также превращением армии македонских ополченцев в армию наемников, дезинтеграцией македонского *пomos*, выработкой новой монархической идеологии служения вождю, а не царству, относится не к первым годам после смерти Александра, как полагал П. Бриан, а ко времени царствования самого Александра; ведь тот же Пьер Бриан называл Александра «последним Ахеменидом»⁶.

В то же время в государстве Александра сохраняются отдельные черты македонской монархии. Народ по-прежнему хотя бы номинально сохраняет право судить государственных изменников и пользуется им во время измены Филоты (*Curt.*, VI, 8, 25). «Свобода» и старинные законы, дарованные Александром жителям Сард (*Arr.*, I, 17, 5) и других малоазийских городов, пусть и не обозначали настоящей независимости, но вполне соответствовали модели автономии, которой пользовались в Македонском царстве греческие города Халкидики. Игра в покровительство местной религии и традициям здесь ни при чем; речь идет лишь о македонских традициях сосуществования гетерогенных социальных и политических организмов, пользующихся ограниченной самостоятельностью.

Таким образом, при Александре дуализм царской власти изжит вовсе не был; Курций пишет о том, что после смерти Александра македонцы оплакивали царя, а персы – господина (*dominus* (*Curt.*, X, 5, 9)). Даже окончательный титул Александра вызывает сомнения: в Македонии он считался царем, в Греции – гегемоном, в Азии – повелителем. Не происходит и полного оформления цар-

ской титулатуры; даже после победы над персидским царем Македонец не пытается присвоить царский титул Ахеменидов, а носит титул «царь Александр»⁷, и, получив перстень Дария, запечатывает им только те указы, которые предназначались азиатской части его государства. Даже Плутарх, желая подчеркнуть двойственность природы эллинистической монархии, описывает одежду Александра как персидскую, однако отсутствием излишеств очень похожую на македонскую (*Plut., De fortuna, I, 8*).

Возможно, с Востока была принесена и идея завоевания мира или мировой державы, в наличии которой ни отечественные, ни зарубежные историки сейчас практически не сомневаются. Неясно лишь, в какой момент возникла у Александра эта мысль, – в самом начале похода или только в Индии⁸. Недостаток и первой, и второй точек зрения состоит в отрицании возможности эволюции взглядов Александра, который имел достаточно времени для того, чтобы рассмотреть все возможные цели. Большинство историков (П. Жуге, П. Клоше, А. Эймар, Ж. Вольтер, Ж. Ромен, А. Боннар, Л. Омо и др.), не отрицая миродержавных устремлений создателя империи, признают, что данная идея формировалась постепенно. Но ведь точно так же постепенно формировалась и идея неограниченной монархии. При переходе через Геллеспонт ее не было. По окончании индийского похода она уже была. Момент, когда идеи неограниченной монархии и мирового господства выкристаллизовались окончательно, уловить действительно невозможно – хотя бы потому, что вторая идея скончалась нереализованной, а первая додумывалась и пересматривалась уже диадохами. Некогда Е. Бэдиан заявил, что, отправляясь в поход, Александр плохо представлял себе цель и перспективу затеянного мероприятия⁹. Отказывать македонскому царю в целеполагании тяжело, однако всех последствий своей политики он на самом деле предвидеть не мог.

Александр сохранял сатрапии, существовавшие в государстве Ахеменидов. В начале похода он ограничивался заменой персидского сатрапа македонским, обычно назначаемым из числа гетайров. Так, сатрапом Геллеспонтской Фригии вместо Артабаза назначается командующий фессалийской конницей Калас, сын Гарпала, происходящий из знатного рода Элимиотидов (*Arr., I, 14, 3; II, 4, 1–2; Dioid., XVII, 4*). Летом 333 г. до н. э. он принимает под свое управление также Пафлагонию, вместо сатрапа Арсита (*Arr., I, 17, 1; Curt., III, 1, 24*), который командовал пафлагонской конницей при Гранике, бежал во Фригию и там покончил с собой (*Arr., I, 17, 7*). Сатрапом Лидии назначается Асандр (*Arr., I, 17, 7*), а летом 331 года – после того, как он получает от Александра приказ набрать войско (*Arr., IV, 7, 2*;

Curt., VII, 10, 12), – его место занимает один из его «друзей» Менандр (*Arr.*, III, 6, 8). Список назначенных Александром сатрапов можно продолжать (в источниках содержится немало любопытной информации по данному поводу), однако гораздо важнее подчеркнуть некоторые общие черты. Александр назначает своих сатрапов только в те области, которые остались без управителя; персов, которые занимают посты сатрапов и при этом выражают лояльность новым хозяевам, он со своих мест не смещает. Александр соглашается даже на то, чтобы передать Карию ее правительнице Аде (*Arr.*, I, 23, 7–8), однако во всех этих случаях сатрапу остается только гражданская власть. Все военные полномочия получают назначаемые в эти области греки или македонцы. Может быть, на первом этапе завоевания у Александра и не было плана создания своей администрации, однако уже к моменту окончания завоевания Передней Азии такая политика прорисовывается: из шести малоазийских сатрапий пять находятся под управлением македонцев (Фригия Геллеспонтская, Лидия, Кария, Великая Фригия и Киликия), одна – у грека (Ликия, которой управляет «друг» Александра Неарх) и только одна – Каппадокия – у представителя местной знати Сибиқты. В таких условиях необходимости в разделении военной и гражданской власти нет, и сатрапы, в полном соответствии с многолетними персидскими традициями, объединяют в своих руках почти всю власть над своими областями (за исключением финансов), что создает предпосылку сепаратизма.

Более важные области одному человеку под управление не отдаются. В этом отношении весьма характерна политика разделения властей, предпринятая в Вавилонии. Как известно, сатрап Вавилонии Мазей добровольно сдал Александру город, сохранил свою власть и даже получил право чеканить монету (*Arr.*, III, 16, 4), что позволило некоторым историкам именно с этого момента начинать отсчет процесса сближения Александра с персидской знатью¹⁰. Стратегами сатрапии назначаются македонцы Аполлодор из Амфиполя и Менета из Пеллы (*Arr.*, III, 16, 4; *Diod.*, XVII, 64, 5; *Curt.*, V, 2, 43), а руководителем ведомства налогового сбора и управления – Асклепиодор, сын Филона (*Arr.*, III, 16, 4). По той же модели идет установление македонской власти в Сузиане и других восточных сатрапиях державы Александра. Такая политика вполне соответствует ахеменидской модели управления, которая предполагала осуществление хотя бы номинального контроля за сатрапами через царских посланцев – офthalmоев (*Xenoph.* *Cyrop.*, VIII, 6; *Oecon.*, 4, 5). При всем этом политика Александра по отношению к сатрапам может характеризоваться как жесткая и даже жестокая:

сатрапы-разгильдяи смещаются со своих постов, а то и подвергаются репрессиям.

Таким образом, несмотря на то что местные власти при Александре сохраняют большое влияние, их деятельность гораздо более строго, чем ранее, контролируется центром. Огромное значение в этой связи приобретают не центральные органы управления, как при персах, а сам царь. В то же время удаленность ряда сатрапий не позволяла полностью погасить там сепаратистские настроения. Это, в сущности, и предопределило быстрый распад империи Александра Македонского.

Примечания

- ¹ *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. Bd. 4. Berlin, Leipzig, 1925–1927. S. 290–299; *Pagliaro A.* Alessandro Magno. Torino: ERI, 1960. P. 391.
- ² *Бентсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М.: Наука, 1982. С. 38.
- ³ Подробнее см.: *Badian E.* Alexander the Great and the Greeks of Asia // *Ancient Society and Institutions* / Ed. by E. Badian. Oxford: Blackwell, 1966. P. 48.
- ⁴ См., например: *Ковалев С.И.* Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция // *Вестник древней истории.* 1946. № 3. С. 46–56.
- ⁵ *Schachermeyr F.* Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode. Wien: Böhlau, 1970. S. 31.
- ⁶ *Briant P.* Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien. P.: Les Belles Lettres, 1982. P. 328.
- ⁷ *Шофман А.С.* Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского // *Вестник древней истории.* 1969. № 4. С. 102.
- ⁸ Основные доказательства проанализированы: *Schachermeyr F.* Alexander der Grosse. Ingenium und Macht. Wien: Anton Pustet, 1949. S. 73, 331; *Altheim F.* Alexander und Asien. Tübingen: Niemeyer, 1953. S. 62, 67, 105; *Leveque P.* L'aventure grecque. P.: Librairie Armand Colin, 1964. P. 343; *Мусяченко К.С.* Оппозиция в армии Александра Македонского. Л., 1966; *Ковалев С.И.* Александр Македонский. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 44–45.
- ⁹ *Badian E.* The Administration of the Empire // *Greece and Rome.* 1965. Vol. 12. № 2. P. 166.
- ¹⁰ *Stringfellow B.* The Will of Zeus. A history of Greece from the origins of Hellenic culture to the death of Alexander. N.Y.: Dell, 1961. P. 408.